

Глава 2

ЛЕНИН: “ПЕРЕДАТЬ ТЕРУ, ЧТОБЫ ОН ВСЕ ПРИГОТОВИЛ ДЛЯ СОЖЖЕНИЯ БАКУ ПОЛНОСТЬЮ...”

Не скрою — вряд ли какой-нибудь другой документ из ленинского “секретного” фонда произвел на меня столь мерзкое впечатление, как распоряжение вождя 3 июня 1918 г. председателю чрезвычайной комиссии Бакинского Совнаркома С.Тер-Габриэлян у о сожжении Баку полностью.

Содержимое хранящейся в папке переписки впервые было мной опубликовано в первой же статье о “рассекреченном” Ленине (“Ленин дал приказ”, “Демократическая газета”, № 20, ноябрь 1991 г.).

Первый документ — записка рукой неизвестного: *“Вопрос срочный — Тер-Габриэлян ждет, а его ждет поезд”*. И ответная записка рукой Ленина: *“Как? Он еще не уехал? Я уже одно удостоверение ему подписал. Можете ли вы еще передать Теру, чтобы он все приготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.109). После моей публикации на страницах еженедельника “Гласность” меня в грубой форме отчитали за “недомыслие”, причем перепечатали записку Ленина, изъяв из нее слово “полностью”. Утверждалось, что вождь, мол, имел в виду сожжение не всего города, а только нефтепромыслов. Но не следует делать из вождя идиота — Ленин прекрасно понимал, что такое нефтепромыслы, о чем свидетельствует его телеграмма в Реввоенсовет Кавказского фронта 28 февраля 1920 г.: “Смилге и Орджоникидзе. Нам до зарезу нужна

нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы, и, наоборот — даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.13067). Обращаем внимание на горскую лексику Ильича — угроза не расстрелять или повесить, а “перерезать всех”.

А вот как фальсифицированно текст этой телеграммы приводится в Биографической хронике жизни и деятельности вождя: “Ленин в телеграмме членам Реввоенсовета Кавказского фронта И.Т. Смигле и Г.К.Орджоникидзе пишет, что Советская республика испытывает острую нужду в нефти, предлагает обдумать манифест к населению с призывом охранить нефтяные промыслы Майкопа и Грозного...”

Что касается готовности Ильича проводить тактику “выжженной земли”, разрушать города России — то подобных примеров множество. Приведем лишь два. Наконец, впервые после 1925 года переизданы воспоминания Ф.Раскольниковова. Вот что пишет он о встрече с Лениным сразу после октябрьского переворота: “На столе перед Ильичем лежала перевернутая карта окрестностей Питера.

— Какие суда Балтийского флота вооружены крупнейшей артиллерией? — с места в карьер атаковал меня Владимир Ильич.

— Дредноуты типа “Петропавловск”. Они имеют по двенадцать двенадцатидюймовых орудий в 52 калибра в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо, — едва выслушав, нетерпеливо продолжал Ильич. — Если нам понадобится обстреливать окрестности Петрограда, куда можно поставить эти суда? Можно ли их внести в устье Невы?”

Обратим внимание — Ленин готов был обрушить шквал огня на пригороды тогдашней российской столицы, заселенные рабочими, городской беднотой.

А вот телеграмма вождя Троцкому от 10 сентября 1918 г.: “Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце” (50; 178).

Ильич здесь не уточнил — “беспощадное истребление” относится к городу или к его населению? Показательно, как Ленин “заметал следы”, о чем свидетельствует его указание на рукописном тексте телеграммы: “Секретно. Шифром (оригинал мне вернуть). (Прислать мне копию шифра)”.

В ответной телеграмме на следующий день Троцкий высказал обиду вождю: “Предположение, будто я шажу Казань неосновательно”. И последовавшие директивы Троцкого были выдержаны в ленинском духе. Например: “Предупреждение трудовому населению Казани. Необходимо временно выехать из города. После захвата Казани чехобелогвардейскими бандами, Казань стала гнездом контрреволюции. Это гнездо должно быть разорено. При дальнейшем сопротивлении контрреволюционные кварталы будут срыты до основания... Необходимо как можно скорее удалить из города детей”.

Судя по обращению, выпускать из окруженного города намеревались только “трудовое население” — имея в виду вместе с “контрреволюционными кварталами” уничтожить “буржуазию” города. И куда можно было “удалить” детей бедняков?

Ленинские методы штурма городов нашли в наши дни широкое применение в Чечне.

Из опубликованных ленинских работ одна из наиболее людоедских — под невинным названием “Как организовать соревнование?” Написана она в самом конце 1917 года, за несколько месяцев до “похода Антанты”, который, как многократно впоследствии утверждал Ильич, и привел якобы к “красному террору”.

Ленин с самого начала планировал истребление доброй половины населения России: “Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам... Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением пе-

ред социализмом”. Непонятно, о каких “законах социалистического общества” говорит здесь вождь.

И далее: “Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом. Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т.д. и т.п.)”.

Обратим внимание — вождь за “многообразие в подробностях” при уничтожении “разгильдяев и истеричек из интеллигенции”.

Ленин предлагает: “Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только прак-

тика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы” (35; 200, 201, 203, 204).

Так глава правительства вскоре после вступления на высший пост предлагает не иметь общих законов в стране, а каждой “мелкой ячейке в деревне и городе” бороться против шаблонизации и единообразия, проявляя инициативы типа — расстрелять “на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве”. Я категорически против того, чтобы считать Ленина тунеядцем — но по его классификации он сам, если бы вел дореволюционный образ жизни, подлежал физическому уничтожению. Известная общественная деятельница Е.Кускова не ведала, что глава советского правительства настаивал на полном уничтожении “клопов-богатых”, но изучение практической деятельности большевиков привело ее к выводу, что “русская революция проделана была зоологически”. Подобную практику столь открыто впоследствии проводил лишь Пол Пот в Камбодже.

Ленин уничтожал жителей России слоями — “тысячами” “десятками тысяч”, “каждого десятого”. Невозможно, например, составить “расстрельные списки” жертв Ленина. Это уж впоследствии Сталин “цивилизовал” кампании по уничтожению людей — создавал постоянно действующие “тройки” на местах “особые совещания”, которые вели протоколы, выносили конкретные приговоры. Многому, конечно, Иосиф Виссарионович научился у Владимира Ильича — и нет причин не верить В.Молотову, который на вопрос поэта Феликса Чуева: “Кто был более суровым, Ленин или Сталин?” — ответил: “Конечно, Ленин. Строгий был. В некоторых вещах строже Сталина. Почитайте его записки Дзержинскому. Он нередко прибегал к самым крайним мерам, когда это было необходимо. Тамбовское восстание приказал подавить, сжигать все. Я как раз был на обсуждении. Он никакую оппозицию терпеть не стал бы, если бы была такая возможность. Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости и либерализме. “Какая у нас диктатура? У нас же кисельная власть, а не диктатура!”

Троцкий вспоминал, в какое негодование пришел Ленин по поводу отмены смертной казни для солдат сразу после октябрьского переворота: “Вздор, как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же выдумаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры реп

рессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?” Его утешали, что отменена смертная казнь только для дезертиров. Все было напрасно. Он настоятельно твердил: “Ошибка, недопустимая слабость, пацифистская иллюзия”.

Впрочем, Ленин, от имени рабочего класса уничтожая целые слои российского общества — предпринимателей и зажиточных крестьян, интеллигенцию и священнослужителей — голословно представлял эти массовые расправы как противодействие якобы имевшему место уничтожению рабочих. Уже заключительные слова первого пункта первой работы вождя после начала мировой войны — “Задачи революционной социал-демократии в европейской войне” — выглядят как абракадабра: ...стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны” (26;1). Если, по мысли Ленина, буржуазия стремится “перебить пролетариев всех стран” — то почему бы рабочим не “перебить” всех “буржуев”?

Нужно снять со Сталина ряд конъюнктурных для обстановки 60-х годов обвинений. Например, будто он выдвинул тезис об обострении классовой борьбы в стране по мере укрепления позиций социализма. Но ведь этот тезис неоднократно обосновывался Лениным. Так, в докладе на IX съезде РКП(б) 29 марта 1920 г. вождь утверждал: “На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии” (40; 244).

Конечно, у Сталина, “восточного” человека с уголовным “менталитетом”, были и непривлекательные черты, которых был лишен Ленин — например, стремление уничтожить детей и внуков своих политических противников, т.е. проявление “кровной мести”.

Пресбывая на посту главы правительства, Владимир Ильич пересмотрел некоторые свои взгляды послеоктябрьского “романтического” периода. Он понял, что твердая репрессивная политика не совместима с разнообразием “калужской” или “казанской” законности. И вместо борьбы про-

тив “шаблонизирования” и “единообразия” вождь начал готовить базу для будущей знаменитой 58-й расстрельной статьи, а также для последующих статей уголовного кодекса. В письме к наркому юстиции Д.Курскому 15 мая 1922 г. Ленин настаивал на расширении расстрела по статье 58 также на “статьи 64 и 65 и 66 и 67 и 68 и 69” (45;189).

Через два дня после беседы с наркомом по этому вопросу глава правительства пишет ему второе письмо с наброском дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Вождь считает целесообразным “открыто выставить принципиально и политически правдивое (а не только юридически узкое положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы: формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле более или менее широкого”.

Здесь — полное обоснование правомерности любых репрессий, подобных сталинским в 1937 году. Насколько “широко” юрист Ленин формулировал условия применения террора, свидетельствует его набросок двух вариантов дополнительного параграфа Уголовного кодекса:

“Вариант 1:

Пропаганда, или агитация, или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т.под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, объективно содействующая той части международной буржуазии, которая и т.д. до конца

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер)”

Здесь же Ленин привел еще “вариант 2б”: “содействующи

или способные содействовать”... (45; 190-191). Расстреливать “способных содействовать”! Прав был Александр Солженицын: “Да дайте мне сюда Блаженного Августина, я его сейчас же в эту статью вгоню!”

Хочу сравнить выдержки из некоторых опубликованных ленинских писем с одной запиской вождя из “секретного” фонда, которую я впервые опубликовал вместе с запиской о сожжении Баку. Два письма вождя в ряду многих других.

Первое — от 9 августа 1918 г. в Нижний Новгород, председателю губсовета: “Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести **тотчас** массовый террор, **расстрелять и вывезти сотни** проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.

Ни минуты промедления” (50; 142).

По тексту неясно — кого расстреливать: сотни проституток, спаивавших бывших офицеров, или самих офицеров?

И выдержка из второго письма — уполномоченному Наркомпрода в Саратове от 22 августа 1918 г.: “Временно советую назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты” (50; 165).

Без “идиотской волокиты” расстреливать колеблющихся — “защитники” Ленина объясняют такую свирепость сложностью конкретной обстановки. Но вряд ли кто-нибудь может оправдать такую обобщающую ленинскую записку 1920 года (конец гражданской войны):

“Т.Крестинскому. Я предлагаю тотчас обнародовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина. Ларин прав).

Скажем, Вы+Ларин+Владимирский (или Дзержинский)+Рыков? или Милютин?

Тайно подготовить террор: необходимо — и срочно.

А во вторник решим: через СНК оформить или иначе. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.492с).

А ведь высший партийный орган страны не всегда одобрял “тайный террор”. Так, на следующий день после организованного анархистами взрыва в Леонтьевском переулке в Москве, 26 сентября 1919 г. пленум ЦК РКП(б) “осадил” чересчур резкого шефа ВЧК, проголосовав за следующий документ:

“Слушали: предложение т.Дзержинского, чтобы ЦК, не объявляя официального массового красного террора, поручил ВЧК фактически его провести. **Постановлено:** вчерашнее покушение на собравшихся в Московском Комитете не должно отразиться на обычной деятельности ВЧК и ЧК”.

Но Ильич до конца своей деятельности продолжал навязывать стране “тайный террор”. Так, в конце января 1922 года он обращается к заместителю председателя ВЧК И.Уншлихту: “Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить “вашими” людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому”. И далее: “Поговорите еще со Сталиным и, буде нужным считаете, покажите ему это письмо”. (54; 144). Как известно, Сталин оказался способным учеником.

Не могу понять тех сторонников коммунистических и социалистических идей, которые целиком и полностью, да еще и с пеной у рта, оправдывают все жестокости Ленина, дискредитируя эти идеи.

Мой оппонент, “защитник Ленина” Л.Оников считает, что лучше и точнее всех о вожде сказал М.Горький: “Великое дитя окаянного мира сего”. Но ведь именно это “дитя” сотворяло наиболее “окаянные” деяния в действительно не легкое время.

Историкам хорошо знакомы два издания “В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.)”. Но мало кто знает, что имеется и третье издание — “секретное”, только для работников органов безопасности. В ряде моих статей использованы взятые из этого сборника документы — в частности, по высылке чекистами представителей российской интеллигенции за границу осенью 1922 года или по расправе Ленина руками чекистов над православной церковью.

Так какие же тайны контактов вождя с ВЧК доступны только “посвященным”? Например, до сих пор засекречена следующая телеграмма от 7 января 1919 года:

“Петроград Смольный Зиновьеву.

Члены ЧК Детскосельской Афанасьев, Кормилицын и другие изобличены, по словам Луначарского, в пьянстве, насиловании женщин и ряде подобных преступлений, требую арестовать всех обвиняемых, не освобождать никого, прислать мне

имена особых следователей, ибо если по такому делу виновные не будут раскрыты и расстреляны, то неслыханный позор падет на Питерский Совет комиссаров, Афанасьева арестовать. Предсовнаркома Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.8196).

Кому-то и сегодня может понравиться, как Ильич требовал еще до следствия и суда непременно арестовать и расстрелять чекистов, на которых ему пожаловался Луначарский. Но в примечаниях к этому документу указано, что А.М.Афанасьев, член большевистской партии с 1905 года, а также Н.И.Кормилицын после ареста были сразу же освобождены, причем 23-летний Кормилицын в том же году работал уже следователем при президиуме ВЧК. Получается, Афанасьев и Кормилицын оказались невиновны, и вождь напрасно впадал в ярость? А ведь могли же их сразу и расстрелять к удовлетворению наркома просвещения. Недаром еще в 1926 году популярный у нас сегодня писатель-эмигрант Марк Алданов возмущался характеристикой, данной Луначарским вождю: “Его гнев тоже необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его, действительно, в последнее время могли гибнуть десятки людей, а может быть и сотни, он имеет почти шутливую форму. Этот гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом”.

Но Ленин порою бывал и снисходительным. Во всех трех изданиях “В.И.Ленин и ВЧК” имеется сюжет об обвиненной в шпионаже И.В.Петровской, которая благодаря заступничеству Ленина в первый раз была освобождена из-под ареста за недоказанность предъявленного обвинения, а во второй раз, после полного признания ею своей вины, помилована постановлением президиума ВЦИК.

Но только “посвященным” работникам органов безопасности положено было знать текст ее письма вождю:

“Многоуважаемый Владимир Ильич, прошу телеграммой мне подтвердить тот факт, что я двадцать два года тому назад Вас посещала в тюрьме как ваша невеста. На меня сделали ложный донос и Вы Вашим подтверждением нашего личного знакомства избавите меня от унижительного положения обвиняемой.

Шлю сердечный привет. Преданная Вам Вольфсон, по мужу Петровская”.

Можно только догадываться, почему этот факт скрывался даже от “лениноведов”.